

А. Марков

**ЗАБЫТЫЕ
СТРАНИЦЫ**

Москва
Советская Россия
1984

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

сколот по длине 8 вершков, с правой стороны от кормы до первой уключины отстал. Первая доска под уключиной расколота по всей длине...

Плезир-яхта. Фальшборт в кормовой части с обеих сторон имеет трещины, проходящие через резьбу. Резьба по фальшборту, в особенности с правой стороны, поломана. Фальшивые окна в трещинах. Фигуры на корме имеют не значительные повреждения...

Суда сильно обетвшили. И все же с большими предсторожностями их отправили на выставку. В Нижний Новгород полетела телеграмма: «Начальнику судоходной дистанции. Передать начальнику округа. Лодки погруженны благополучно, пароход «Владимир Мономах»¹.

Прошли торжества выставки, и вновь суда установили в домике Петра, где они приходят в еще большую ветхость. Домик и сам еле держится, крыша протекает, дверях щели. Но у городской управы нет средств. Едва отыскали два рубля, чтобы вымыть полы и рамы к приезду в Астрахань принца Ольденбургского. Охраняются экспонаты дома также из рук воин плохо. Экзекутор Востоков рапортовал в городскую управу, что учитель реального училища Воздвиженский, осматривая лодки, разбил хрустальный бокал, принадлежавший Петру I.

Из дома-музея пропадали ценные вещи. Была похищена даже медная мортира. После этого астраханский губернатор приказал передать старинные ружья в гарнизонный арсенал, а яхту подновить и покрасить.

Яхта постепенно ветшала. В «Иллюстрированном путеводителе» А. Штылько за 1898 год записано: «В настоящее время следы красок едва заметны, тем более что пазы рассохшихся судов приходится заделывать. Корма плезир-яхты и борта украшены замысловатой резьбой. На румпеле находится резное изображение, напоминающее самого Петра. Над украшением плезир-яхты резьбою, по преданию, будто бы трудился сам монарх...»

До нашего времени от судна уцелела лишь доска бортового украшения. Она хранится в одном из залов краеведческого музея г. Астрахани. Искусный резчик вывел на доске затейливый орнамент, где переплетаются листья и виноградные гроздья.

кскурсанты, посещающие астраханский кремль у восточной стороны Троицкого собора, невольно замедляют шаг. В алтарной стене, в углу над железными коваными воротами вделан камень. На камне с трудом читаются слова: «1723 года, сентября, 13 дня, в 7 часу, в пяток, на память ищенномученика Корнилия Сотника, преставился раб

ий генерал-аудитор Иван Васильевич Кикин, от роду 63 года, который будучи по приезду своего на службе в Астрахани, ноября, 17 дня, прошедшего 1719 года при Его императорском Величестве генерал-адъютанте полковнике Астраханском губернаторе Артемье Петровиче Волынском, товарищем, и погребено тело его здесь, в сем приюте Астраханском Троицком монастыре».

Но кто такой Иван Кикин? Ни в дореволюционной граведической литературе, ни в изданиях последнего времени не встретишь этого имени.

Может быть, забытая могила всего лишь справедливый заговор истории?

Это не совсем так. О Иване Кикине все же стоит вспомнить. След, оставленный им во время пребывания в Астрахани, можно выявить лишь в Астраханском архиве, в фондах астраханского губернатора, в редких изданиях, которые не печатали документы этого фонда.

По воле случая Иван Васильевич оказался в Астрахани. Низовый город стал местом его ссылки, куда он был послан по указу Петра I. Виновником этой ссылки оказался родной брат Ивана Кикина Александр Васильевич.

Братья были из знатной фамилии. Их отец, стольник Василий Петрович Кикин, принимал участие в Переяславской рати в качестве русского посла. Был хорошо знаком с Богданом Хмельницким. Выполнял важные поручения царя Алексея Михайловича.

Старшим сыном Василия Петровича был Иван, но Александр оказался более пронырливым и расторопным. В 1693 году Александр был зачислен в бомбардиром в пушечный полк. В Азовском походе сопровождал Петра I в качестве денщика. Затем отправляется в Голландию вместе

¹ ГААО, ф. 94, оп. 2, д. 1976.

с Великим посольством и учится там кораблестроению. Ост-Индской верфи. В начале 1706 года Кикин уже управляет Петербургским адмиралтейством, строит дворец для Петра. Петр доволен необычайной энергией и деловитостью Александра Васильевича, называет его уважительно «башкой».

Но вот в 1715 году происходит сближение Александра Кикина с царевичем Алексеем, хотя знатный царедворец и знал о натянутых отношениях Петра с сыном. А через год конфликт между Алексеем и Петром вступает в следнюю фазу. И перед царевичем встает вопрос: жить отечеству, выполняя волю Петра, или постригнуться в монахи? Монастырь для Алексея представляется лучшей темницей. Царевич содрогается от ужаса. Советует со своими ближайшими друзьями.

— Ну что ж! — советует Александр Кикин. — Оттуда можно вернуться. Ведь клубок не прибит к голове гвоздями. Можно его и снять.

Успокоенный Алексей под диктовку Кикина написал короткое письмо:

«Милостивый государь-батюшка! Письмо твое я получил, на которое больше за болезнью своею писать не могу. Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения. Раб ваш и непотребный сын Алексей.

Видно, Петр не ожидал такого ответа, он уехал по делам за границу, так и не решив судьбу сына.

А в 1716 году сам Алексей бежал в Вену. Еще раньше туда уехал Кикин, чтобы разведать, как отнесутся австрийском дворе, если русский царевич будет искать там защиты.

Позже все это припомнилось Кикину. Когда в январе 1718 года Алексея удалось вернуть из-за границы, то первой же встрече Петр предупредил его, что он выдаст своих сообщников, которые подбивали его к отъезду. Первым был назван Александр Кикин. На другой день Александр Васильевич был арестован в доме своего брата Ивана, к которому в эту трудную минуту он пришел за советом.

Александра Кикина под конвоем повезли в Преображенский приказ. Там его уже ждали кнутобойцы со стариком Андреем Ушаковом и Скорняковом-Писаревым. Допрос Кикина вел наиболее доверенный человек Петра I Петер Андреевич Толстой, сумевший выманить царевича из Австро-Венгрии.

Розыск велся с пристрастием. Кикина несколько раз поднимали на дыбы. Прежние заслуги не спасли знатного царедворца от расправы. Александр Васильевича приговорили к колесованию.

На место казни прибыл сам Петр I. Кикин уже лежал на колесе с раздробленными руками и ногами, но был еще жив. Увидев царя, Александр Васильевич стал просить его о помиловании, о ссылке хотя бы в дальний монастырь.

Даже не склонный к жалости, Петр содрогнулся. Он знал, что Кикин уже не жилец на свете, теперь его не спасет никакое помилование. И чтобы прекратить мучения бывшего адмиралтейского советника, царь приказал пристрелить его.

На казни велено было присутствовать и брату казненного Ивану Васильевичу. Иван Кикин не входил в круг ближних советников царевича Алексея. Его вина не была доказана. Но уже то, что Александр Васильевич искал спасенья на дворе своего брата, заставило Петра озлобленно отнести к Ивану. Ивана Васильевича не лишили чинов и звания, но велели послать в отдаленную Астраханскую губернию, даже не определив ему должности. Это должен был сделать астраханский губернатор Артемий Петрович Волынский. Волынский, только что получив новое назначение, и сам еще как следует не ознакомился с низовским краем. Он писал в Петербург: «Вашему величеству всепокорно доношу. В Астрахань я прибыл, которую я вижу пусту и совсем разорену, поистине так, хотят бы и нарочно разорять, то б больше сего невозможно. Первое, крепость здешняя во многих местах развалилась и худа вся. В полках здешних в пяти ружья только с 2,000 фузей с небольшим годных, а прочее никуда не годится; а мундиру как на драгунах, так и на солдатах, кроме одного полку ни на одном нет, и ходят иные в балахонах»¹.

В следующих письмах Волынский жаловался на запущенность канцелярских дел, на отсутствие знающих, толковых людей.

Поэтому приезд Кикина в Астрахань был очень кстати.

Волынский назначил его аудитором-делопроизводителем губернской канцелярии, своим помощником и товарищем.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. XVI—XX, с. 668.

щем. И каких только дел не приходилось решать Иван Васильевичу. Ему даже поручили разбор тяжб по церковному ведомству.

Объективный и беспристрастный разбор дел был не пользу церковников. Вот почему Кикин очень быстро жил себе врагов среди высшего духовенства.

Губернатору Волынскому не раз намекали, что Иван Васильевич потворствует патеру Антонию, который превращает христиан в католическую веру и является австрийским шпионом.

По этому поводу Кикин написал губернатору свое освобождение:

«...Что же касается до подозрения и опасности от пребывающего в Астрахани патера Антония и желающих прибытии сюда двух патеров — Казимира и Фиделяя, то сам опасность гряду нашему усмотреть невозможно, ибо же как Цесария, так и Франции, и прочие немецкие земли от Астрахани лежат за иными государствами, а не порубленные, а Астрахань город украинский и круг его обретают разных вер иноземцы»¹.

Волынский был вполне согласен с этим мнением. Он даже считал, что патеры принесут в Астрахани больший вред, «последне из здешнего такого сурового народа общаются от них молодые дети латинского и прочих языков».

Артемий Петрович утверждал это не без основания. Ведь известный поэт и первый русский профессор Василий Кириллович Тредиаковский обучался в Астрахани латинскому языку у римских патеров. Способности Тредиаковского к учению были так велики, что Волынский и Кикин обратили на мальчика особое внимание. Когда в Астрахань прибыл Петр I, они сумели представить ему Тредиаковского и рекомендовать его как лучшего ученика. Предание гласит, что Петр I, выслушав ответы юноши, сказал: «Труженник хороший, а мастером не будет». Тредиаковский рассказывая это, будто бы прибавлял: «Ну вот, государь Петр Первый — великий человек, а во мне ошибся»².

Представляя Тредиаковского Петру I, Кикин думал этим обратить на себя внимание грозного монарха. Петр действительно узнал Кикина и долго с ним беседовал. Но когда Иван Васильевич стал просить Петра о смягчении

— Твоя участь и возвращении в Петербург, царь отрезал: — Твоя участь решена не только мной, но и Сенатом. — иша в Сенат.

Неизвестно, писал ли Кикин в Сенат, но силы стали временно покидать опального царедворца. Правда, он еще пытался работать. Стал составлять чертеж с подробным описанием кремля и Белого города. Но в мае 1723 года у него парализовало правую руку, а в сентябре Ивана Васильевича не стало. По приказу губернатора он был похоронен в алтарной апсиде Троицкого собора.

ПО УКАЗУ ГОСУДАРЕВУ

днажды, отыскивая нужные мне документы в Астраханском государственном архиве, я наткнулся на дневник Якова Андреевича Марковича — генералowego полка карбюра малороссийского казачьего войска, посетившего Астрахань в 1726 году. Меня заинтересовало его описание государева птичьего двора, где он видел «журавлей и пестрых лебедей с острыми, тонкими и длинными клювами, лебедей, бакланов, гусей красивого строения, у которых шея была тоньше и длиннее лебединой, черно-белый клюв, длинный и горбатый, загнутый книзу, на концах белых крыльев розовые перья. Зоб тоже розового цвета. Ноги тонкие и высокие». Вот каких разнообразных птиц увидел Маркович на «птичьем дворе»! Даже фламинго, которого он по незнанию называет гусем. А с какой целью был создан «птичий двор»? Где находился? Когда был сооружен? — задавал я вопросы себе. Богат и разнообразен животный и растительный мир Северного Каспия. Близ Каспия Волга разделяется на тысячи рукавов. Площадь дельты достигает пятнадцати тысяч квадратных километров. Непротяжные заросли камыша, чакана, глухие, скрытые от людской водоемы, ивовые и ветловые леса служат прекрасным жильем для пернатых. Недаром дельту Волги называют «птичьим царством», «мировым птичником». С неизвестных времен Волга была перелетным птичьим пу-

¹ Саввинский И. Астраханская епархия. Вып. 2. Астрахань, 1905, с. 227.

² Там же.

³ Журн. «Всемирный труд», 1867, март, с. 86.